

В. П. Кузнецова
(Петрозаводск)

ДУХОВНЫЕ СТИХИ ПУДОЖСКОГО СКАЗИТЕЛЯ Ф. А. КОНАШКОВА

Аннотация: В статье рассматриваются духовные стихи из репертуара сказителя Ф. А. Конашкова, сравниваются повторные записи, соотношение вербальных и композиционных компонентов в текстах. Анализируется содержание стихов, имеющих в единичной фиксации, и особенности этих произведений.

Ключевые слова: духовные стихи, Конашков, репертуар.

Abstract: The paper deals with spiritual verses from the repertoire of the narrator F. A. Konashkov, compares recurring records, the ratio of verbal and compositional components in the texts. The subject matter of the verses recorded only once and the characteristic features of these works are analyzed.

Keywords: spiritual verses; Konashkov; repertoire.

Впервые духовные стихи в исполнении сказителя Ф. А. Конашкова были зафиксированы участниками экспедиции «По следам Рыбникова и Гильфердинга». В июле 1928 г. Б. М. Соколов, В. И. Чичеров и В. И. Яковлева в поселке Устье Шалы Пудожского района Карелии записали от него четыре текста: «Голубиная книга», «Страшный Суд», «Милостивая жена милосердна» и «Вознесенье». Эти записи долго оставались не опубликованными, и только в 2007 г. они были введены в научный оборот В. А. Бахтиной, подготовившей эти материалы в числе других к изданию¹. В 1934 г. стих «Вознесение» был зафиксирован Е. В. Гиппиусом. Запись

¹ Неизданные материалы экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых 1926–1928: По следам Рыбникова и Гильфердинга: В 2 т. М., 2007–2011. Т. 1: Эпическая поэзия. №№ 13, 99, 104, 116.

хранится в Фонограммархиве Пушкинского Дома, она была опубликована в звуковом альбоме, вышедшем в 1990 г.² В 1937–начале 1940-х гг. Карельский научно-исследовательский институт культуры (в настоящее время Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН) производил обследование в деревнях Пудожского района. Сотрудницей Института М. А. Ивановой от знаменитого сказителя вновь были записаны тексты духовных стихов, на этот раз их количество увеличилось до шести: три из них представляли варианты уже известных — «Голубиная книга», «Страшный Суд» и «Вознесение» — и три были зафиксированы в его репертуаре впервые — «Алексей человек Божий», «Трудник и Пятница» и «Про Елисафию (Егорий и змей)». Эти материалы были опубликованы в 2015 г.³ Таким образом, репертуар сказителя составили 7 сюжетов, представленных в *Таблице 1*.

Таблица 1

Записи духовных стихов, произведенные от Ф. А. Конашкова

№	1928	1934	1937
1.	Голубиная книга		Про книгу Голубиную
2.	Страшный Суд		Михаил Архангел [Страшный Суд]
3.	Жена милосер<д>на		
4.	Вознесенье	Вознесение	Вознесение Христово
5.			Про Алексея человека Божьего
6.			Трудник и Пятница
7.			Про Елисафию [Егорий и змей]

Если рассматривать репертуар Ф. А. Конашкова в контексте пудожской традиции, то можно отметить, что состав зафиксированных от сказителя произведений вписывается в репертуар этого края, состоящий полностью из старших духовных стихов⁴.

² Эпические стихи и притчи Русского Севера (Из собрания фонограммархива Пушкинского Дома): Грампластинка / Сост. А. Ю. Кастров. Б/м, 1990. П2М-49311.

³ Духовные стихи Русского Севера / Сост. В. П. Кузнецова. Петрозаводск, 2015. С. 486–496.

⁴ Неизданные материалы... С. 44–245; Духовные стихи Русского Севера. С. 434–512.

Исследователей всегда интересуют источники, из которых сказители черпают свое знание эпических песен. Имеются сведения, касающиеся старин: Ф. А. Конашков убеждал собирателей, что усваивал былины только в семейном кругу, где былины переходили из рода в род. Ю. А. Новиков в одной из своих монографий опровергает мнение А. М. Линевского и В. И. Чичерова, утверждавших, что Ф. А. Конашков являлся типичным сказителем-передатчиком, не изменявшим заученного в ранней молодости текста. В результате сопоставления вариантов и других данных Ю. А. Новиков установил: «Ф. А. Конашков не замыкался в рамках семейной традиции, продолжал расширять свой репертуар, совершенствовать стилистическое оформление былин...»⁵. Расширение репертуара происходило и за счет духовных стихов. В отношении их источников делать какие-либо выводы затруднительно, поскольку возможно как влияние семейной или локальной традиции, так и бродячих нищих стихопевцев. Например, стих «Трудник и Пятница» Ф. А. Конашков заключает ремаркой: «И кусочков попросят калики»⁶. Стих «Вознесенье» заканчивается фразой: «Не сойдетсе ли милостынька, шерстоцьки-кусоцьки»⁷. Это явно свидетельствует о том, что сказитель воспроизвел текст, усвоенный им от бродячего певца, который после исполнения стиха просил милостыню. Текст «Голубиная книга», исполненный в сжатом виде, сказитель заключает высказыванием: «А боле старик не пел»⁸. Приведенные ремарки прямо указывают на то, что Ф. А. Конашков усвоил духовные стихи от нищих, возможно, от одного бродячего певца. Еще одна черта, общая практически для всех текстов — формула, прославляющая Христа: «Да славим мы Тибя, Христе Боже!» Или: «Славим Тебя, Христа Бога!» Стих об Алексее человеке Божьем заканчивается фразой: «И славим тебя, Алексея человека Божья!» Скорее всего, это стиль исполнителя, от которого Ф. А. Конашков усвоил произведения.

Из всего репертуара духовных стихов, исполненных Ф. А. Конашковым, подробному исследованию был подвергнут стих «Вознесение», имеющийся в трех вариантах (см. *Таблицу 1*). В. А. Бахтиной в 1996 г. была опубликована статья о разновременных записях этого произведения⁹.

⁵ Новиков Ю. А. Эпический мир и способы его художественного воплощения. Вильнюс, 2013. С. 272.

⁶ Духовные стихи Русского Севера... С. 491.

⁷ Неизданные материалы... С. 475.

⁸ Там же. С. 48.

⁹ Бахтина В. А. Текст духовного стиха в исторической протяжен-

Для анализа автором была применена методика синоптического описания эпических текстов, предложенная В. М. Гацаком¹⁰. Синоптическое транспонирование позволяет давать наглядную и полную картину при сравнении повторных записей, а также текстов, зафиксированных от нескольких поколений сказителей. Оно позволяет показать соотношение вербальных (совпадение или варьирование стихов) и композиционных компонентов (передислокация, повторы и проч.). В. А. Бахтиной была впервые произведена полная синоптическая запись духовного стиха. Это позволило ей установить, что абсолютно совпадающих стихов во всех трех текстах нет. В то же время, коэффициент совпадения довольно высокий, что говорит о стабильности сюжетного стержня и основных мотивов и эпизодов. Повторные записи стиха «Вознесение» от одного сказителя говорят о том, что текст «настолько традиционен, насколько и изменяем. Традиционная основа, устойчивая структура и композиция текста в целом и каждого стиха в отдельности открыта, тем не менее, для вариативности. Но в каждом случае эта вариативность не простирается далее вербального и синонимического уровней»¹¹.

Попытаемся произвести синоптическую запись еще одного стиха из репертуара Ф. А. Конашкова и сравнить два варианта «Голубиной книги».

Таблица 2

Книга голубиная (Ф. А. Конашков)

Неизданные материалы... № 13 (1928 г.)	Духовные стихи Русского Севера № 299 (1937 г.)
1. —	Океан море всем морям мати,
2. Как Фав(ф)ор гора да (—) всим горам мати.	
3. —	Как Фафор горы боле на свете нет.
4. А на Фавор гору выпадала книга голубиная,	—
5. А с небесы ведь выпадала книга голубиная,	Как выпадала с небес книга голубиная,
6. А(—) в долину книга сороки сажён,	

ности (наблюдения над разновременными записями Ф. А. Конашкова) // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры: Сб. ст.: В 2 т. Сыктывкар, 1996. Т. 2. С. 3–10.

¹⁰ Гацак В. М. Устная эпическая традиция во времени. М., 1989. С. 65.

¹¹ Бахтина В. А. Текст духовного стиха в исторической протяженности (наблюдения над разновременными записями Ф. А. Конашкова). С. 6.

7. А (—) в ширину ли (—) книга да (—) двадцати сажён,	
8. А (—) в толщине/у книга дисяти сажён.	
9. —	Если эта книга наб прочитать
10. См. 39	Как от малого да от возраста,
11. См. 39	Как начать читать от малого от возраста,
12. См. 40	Да глубокою да наб до старости.
13. А хто не ту про книгу голубиную,	Как про эту книгу голубиную,
14. Как про ё прошла слава великая	Как про эту славу про великую —
15. А по всей матушки по Святой земли.	А прошла-то слава по всей земле.
16. А ведь на эту на гору	—
17. А наехали князьи-бояра, цари разные,	Как наехали цари да царевичи,
18. —	Короли наеждали, королевичи,
19. —	Как наехал-то да премудрый царь,
20. См. 22	Как премудрый царь Давыд Мосиёвич.
21. А наезжал ли тут-то Вотоломан царь,	Как наехал-то да Вотоломан царь,
22. А приезжал ли тут Давыд Мосиевиц.	См. 20
23. А Вотоломан царь да все спрашивал:	Да стал выспрашивать:
24. «Ведь премудрой/ый царь Давыд Мосиевиць/ёвич,	
25. А (—) ты скажи-(т)ко нам, (да) проповедо/(у)й-ко	
26. А (—)ты про эту ли (—) книгу голубиную,	
27. А ты про эту ли славу про великую.	—
28. А (—) х/(к)то видь (—) этую/эту книгу писал,	
29. А ведь премудрый напицты-вал?».	Кто эту голубину напечатывал?».
30. А ведь (говорил) Волотоману царь Давыд Мосиёвич,	Отвечал-то ведь да премудрый царь Давыд Мосиёвич:
31. А ведь князьям высказывал:	—
32. «А ведь писал-то/писал книгу да Иван Богослов,	
33. А цитал книгу да Иван Златоуст.	—
34. А эта книга же голубиная,	—
35. А/Как ведь(—) уц(ч)ителем был (сам) ведь(—) Исус Христос».	
36. А(—) ведь(—) Вотоломан царь да выспрашивал:	
37. «А(—) ты, премудрый царь, Давыд Мосие/ёвиць,	
38. А(—) ты скажи(-тко нам, да) про(—) книгу(—), проповедо/уй-ко,	

39. А надо цитать книге от малого возраста,	См. 10, 11
40. А процитать голубина до глубокой надо старости».	См. 12
41. А ведь ты, премудрый царь Д(а-выд) Мосиевиць,	—
42. А он Вотоломану царю он высказывал:	—
43. «А ведь скажи-ко, Да(выд) М(осиеви)ць,	—
44. А/Из отцяго/чего же(—) зац/чя/алсе/я да белый свет?(«)	
45. А отцего же да цари пошли,	«Белый свет — да цари пошли,
46. А/Да цари-то/цари пошли, (да) правосудиё/ные?	
47. А отцего пёко красное солнышко,	См. 69
48. А красное солнышко, млади свител мисяц?	См. 70
49. А зори утренны, зори вицерны?	См. 71
50. А видь виют святая витероцики?	—
51. А ведь премудрый царь Давид и Мосиевиць,	—
52. А ведь скажи-ко нам, проповедой-ко».	—
53. «А ведь кра(сно)-то солнышко,	—
54. А пекёт от Божаския огня.	См. 74
55. А млад-то ведь ясен месяц,	См. 75
56. А от его пекё от затылоцька.	См. 75
57. А ведь зори утрянни да утрянной,	—
58. А утренни зори ти да зори вицерны,	См. 77
59. От ушей его и Создателя.	См. 76
60. Ведь виют витероцьки, витероцики	См. 78
61. А ведь от слоуху и Создателя».	См. 78
62. Как(—) Вотоломан царь да выпрашивал:	
63. «А/Ты премудрый царь Давид(ы) Мосиёвич,	
64. Ты скажи-ко/тка нам, проповедо/уй-ко/ка,	
65. Аль отцёго пошли и назнацены	—
66. А цари то ли правосудиё?».	—
67. «Это все ли Господом создано,	—
68. А Им же все обзаконено».	—
69. См. 47	Отцего пеке красно солнышко,

70. См. 48	Отчего пеке да млад ясён месѣц,
71. См. 49	Зори утренны, зореньки вечерны?».
72. –	Отвечал-то ведь да премудрый царь,
73. –	Как премудрый царь Давыд Мосиѣвич:
74. См. 53, 54	«Как от Божья лица пеке красно солнышко,
75. См. 55, 56	От затылочка — млад ясён месѣц,
76. См. 59	От ушей его — зори утренни,
77. См. 58	Зори утренни, зореньки вечерны,
78. См. 60, 61	А от здоху его веют буйны ветерочки».
79. А тут прошла слава великая	—
80. А про эту же книгу голубиная.	—

В первую очередь следует отметить, что повторная запись 1937 г. значительно короче: с 61 стиха (1928 г.) она сократилась до 47. Она не передает такую особенность местного говора, как «цоканье», что, скорее всего, является следствием индивидуального восприятия устного текста собирателем, а не изменениями в диалектной речи сказителя. Абсолютно совпадающих стихов практически нет, в частично совпадающих стихах наблюдается варьирование окончаний глаголов («ой», «уй», «се», «ся»), прилагательных («ой», «ый»), полных и кратких форм, наличие или отсутствие союзов и вступительных частиц («а», «да», «-то», «же», «ли»), употребление в тексте II прилагательного, производного от существительного из текста I: правосудиѣ (I) — правосудные (II). Наблюдается разбивка фразы на один или два стиха: «А наехали князьи-бояра, цари разные» (I) — «Как наехали цари да царевичи, / Короли наеждяли, королевичи (II); «А надо цитать книге от малого возраста» (I), а в тексте II: «Как от малого да от возраста / Как начать цитать от малого от возраста»; «А приезжал ли тут Давыд Мосиевич» (I), в тексте II «Как наехал-то да премудрый царь, / Как премудрый царь Давыд Мосиѣвич». В тексте II утрачены некоторые элементы, например, упоминание о том, что книгу читал Иван Златоуст, а также несколько вопросов к царю Давиду и его ответы. Первый стих текста II «Океан море всем морям мати» обычно располагается в середине текста, в первом варианте 1928 г. он вообще отсутствует. Это может свидетельствовать о том, что Ф. А. Конашков слышал исполнение этого произведения в более полном виде, но отчасти его забыл и поставил стих в самое начало. Перестановок фрагментов в тексте II имеется довольно много, но надо признать: несмотря

на утрату одиннадцати стихов и композиционные перестановки, смысл произведения не искажился. Скорее всего, изначально старик, от которого усвоил этот стих сказитель, сам не знал данное произведение в полном виде, это подтверждает уже приводившаяся фраза Ф. А. Конашкова: «А боле старик не пел».

Поскольку в рамках данной статьи нет возможности сделать синоптический анализ еще одного духовного стиха Ф. А. Конашкова («Страшный Суд»), далее будут рассмотрены основные отличия вариантов 1928 и 1937 гг.

Стих, зафиксированный участниками экспедиции «По следам Рыбникова и Гильфердинга» начинается с картины катаклизмов, предшествующих появлению Михаила Архангела — вестника Страшного Суда. Это «последнее время», когда прекратятся дни и ночи, солнце и месяц «приклонятся», то есть сойдут с небес. Земля загорится, вследствие чего она станет чистой и пустой. В повторной записи эта картина описана короче, упоминается лишь о прекращении дней и ночей и о сошествии небесных светил. В первом варианте Михаил Архангел спускается с двумя трубами — золотой и «земляной». В варианте 1937 г. говорится только о золотой трубе, в которую он затрубит. Первый вариант содержит аллюзию на сюжеты, содержащие мотивы распятия Христа:

Спуститсe с небес судья праведной,
Да Сам Исус Христос, цярь небесной,
Которого жиды распинали,
Святу песну яго кроф проливали,
На крест Ёго роспяли¹².

Иисус Христос спустится на землю с крестом, на котором Его распинали. В повторной записи мотив о кресте находится в конце повествования. Крест спускается на землю, его видят грешные души, он вызывает страх, поскольку является в их глазах символом Страшного Суда. Грешники восклицают: «О горе, горе, суд нам будет! / Сын Марии судить станет!»¹³. В первом варианте содержится упоминание о великой огненной реке, разделяющей грешные и праведные души, в повторной записи этого мотива нет. В обоих вариантах делается акцент на грехах, имеющих отношение к нищей братии: не поили, не кормили убогих, не проводили в путь-дорогу, не давали милостыни, не обогревали теплом. Повторная запись содержит 34 стиха, в то время как первая значительно больше по объему — 49 стихов. Несмотря на утрату 15-ти стихов, повторная запись вполне передает все содержание произведения.

¹² Неизданные материалы... С. 215.

¹³ Духовные стихи Русского Севера... С. 496.

В единственном варианте от Ф. А. Конашкова зафиксирован стих «Жена милосер<д>на», имеющий в среднерусских вариантах и другое название: «Аллилуева жена». В начале обычно повествуется о жене милосердной, стоящей у дороги со своим младенцем. Убегающая от преследователей Богородица просит ее взять Младенца Христа на руки, а своего бросить в печь. Стих Ф. А. Конашкова начинается иначе: говорится о рождении Христа и озлоблении по этому поводу царя Ирода. Названа причина, о которой редко говорится в других вариантах: Ирод узнал, что родился младенец царского рода. Далее следуют мотивы из сюжета о рождении Иисуса: приходят волхвы, приносят дары и возвращаются в свою страну. В варианте Ф. А. Конашкова Ирод приказывает воинам убить всех младенцев в возрасте до четырех лет. Эта экспозиция разъясняет дальнейшее развитие действия. Последующие мотивы: Богородица просит милостивую жену взять Иисуса Христа на руки и бросить в печь своего сына; милостивая жена выполняет просьбу Богородицы; преследователи спрашивают, не видела ли она Христа Бога; она отвечает, что бросила Его в печь; преследователи смотрят в печь и убеждаются в правоте ее слов; милостивая жена оплакивает смерть своего сына; печь открывают и видят в ней траву с цветами и гуляющего младенца; младенец читает Ангел-книгу и прославляет Христа-Бога.

Стих «Про Алексея человека Божьего» в исполнении Ф. А. Конашкова типичен для Пудожского края и, можно сказать, шире — для Обонежья. Это один из самых распространенных сюжетов на Русском Севере, его фиксировали собиратели не только у русских, но и у соседних финно-угорских народов. Стих является самым крупным произведением данного жанра в репертуаре Ф. А. Конашкова. Текст состоит из 135 стихов, хотя фиксировались и более крупные по объему произведения на этот сюжет, как, например, запись от калики Ивана из д. Мелентьевской Пудожского уезда, текст которого состоит из 328 стихов¹⁴. Тем не менее, этот духовный стих в исполнении знаменитого сказителя удерживает все основные сюжетные звенья: 1. названо место действия, это Римское царство; 2. у князя Яфимьяна с княгиней нет детей; 3. супруги усердно молятся Господу Богу и Пресвятой Богородице о даровании чада; 4. князю во сне дается предзнаменование о рождении младенца; 5. княгиня забеременела и родила сына, которого нарекают Алексеем; 6. Алексею дается грамота; 7. приходит пора женить Алексея; 8. ему выбирают в жены княгиню Катерину; 9. Алексея и Катерину венчают в церкви; 10. ночью Алексей надевает монашеское платье,

¹⁴ Там же. С. 318–325.

дает жене пояс и обручальный перстень в качестве магических талисманов, которые сообщат о его возвращении домой (когда пояс расплетется и перстень распаяется); 11. Алексей бежит из дома, садится в маленький кораблик; 12. море выносит его на берег; 13. Алексей двенадцать лет молится в келье, узнает о своей скорой кончине; 14. он возвращается к родному берегу; 15. Алексей встречается в церкви отца, просит у него милостыню; 16. отец приглашает Алексея в свои палаты; 17. Алексей рассказывает, что он, якобы, жил в одной келье с его сыном; 18. отец приглашает его жить в царских палатах вместо родного сына; 19. Алексей просит построить ему маленькую келью; 20. ему приносят царскую пищу; 21. Алексей просит бумагу и чернила; 22. он пишет о своем житье-бытье и умирает; 23. по Римскому царству распространяется благоухание, означающее, что скончался святой старец; 24. никто не может взять из руки старца бумагу, только князь Ефимьян; 25. прочитав, он узнает, что это был его родной сын; 26. родные оплакивают Алексея; 27. о сбывшемся возвращении Алексея возвещают расплетенный пояс и распаявшийся перстень.

Здесь отсутствуют некоторые мотивы, встречающиеся в других текстах на этот сюжет: поиск слугами Ефимьяна пропавшего Алексея, а также такой драматичный момент, как издевательство над Алексеем княжеских слуг, съедавших причитающуюся ему пищу и кормивших его помоями. Концовка лишена описания чудес, происходящих после смерти святого.

Стих «Про Елисафию», исполненный Ф. А. Конашковым, был записан только однажды, в 1937 г. Он также довольно значителен по объему, это 115 стихов. Данное произведение представляет собой северную версию, наиболее обстоятельную, по мнению В. А. Бахтиной, так как существует еще западная, зафиксированная на русско-украинско-белорусском пограничье, в Полесье и на Смоленщине¹⁵. По мнению исследовательницы, сюжет не имел широкого распространения, он не был записан ни П. Н. Рыбниковым, ни А. Ф. Гильфердингом, ни А. Д. Григорьевым. Действительно, на Русском Севере варианты стиха были зафиксированы в основном в XX в., но редким его никак назвать нельзя. Сюжет основан на популярном переводном произведении «Чудо Георгия о змее и девице». В основе сюжета лежит внутрисемейный конфликт, причиной которого стало столкновение на конфессиональной почве: язычников царя Агапита и царицы Агапиты и их дочери, единственной во всем царстве христианки. Вариант Ф. А. Конашкова сохраняет основной сюжетный костяк, свойственный северной версии:

¹⁵ Неизданные материалы... С. 430.

1. действие происходит в персидском царстве, змея выпрашивает каждый день по человеку для съедения; 2. жители вместе с царем Агапитом бросают жребий, кого отдать в первый день; 3. жребий выпадает на царя; он приходит домой опечаленный; 4. Агапит объясняет причину печали; 5. царица предлагает отдать на съедение дочь Елисафию, не поклоняющуюся идолам и верующую в Бога распятого; 6. царь обманывает дочь, обещая выдать ее замуж за женихов, приехавших на кораблях, однако девушка догадывается, что ее отправляют на съедение змею; 7. появляется Егорий на белом коне и отпускает коня пастись на луга, а сам засыпает на коленях Елисафии, наказав будить его, когда появится змея; 8. девушка не может пробудиться его, когда появилась змея, он просыпается только от капнувшей на его лицо слезы.

Егорий в данном произведении не вступает в бой с драконом, он произносит заговор: «Будь-ко ты, люта змея, / Будь тиха, смирна, / Будь тиха, смирна, / Как скотина у крестьянина...»¹⁶. Двойной повтор слов «будь тиха, смирна» усиливает действие заклинания. Девушка по приказанию Егория берет дракона на шелковый пояс и ведет его в свой город. Под угрозой уничтожения персидского царства Агапит принимает христианство, ставит повсюду кресты. Мотив строительства церквей в данном стихе отсутствует. Дракона не предают смерти, он уплывает обратно в море. Можно отметить, что Ф. А. Конашков использует в этом произведении не свойственную духовным стихам эпическую формулу, обычно обращенную к былинному богатырю, возвратившемуся с княжеского пира: царица Агапита спрашивает мужа по возвращении домой после жеребьевки:

Что же, царь Агапит,
Пришел невеселенький,
Как словом ли тебя огрубил-то,
Али чарой-то тебя разве обнесли?¹⁷

Посоветовав принести в жертву Елисафию, царица не предлагает Агапиту обмануть ее, обман про ожидающих у моря женихов придумывает сам отец Елисафии. Нет в стихе и зачина, поясняющего причину появления змеи у царства, которым правит Агапит. В действительности это наказание язычников за безверие и грехи. В стихе нет перечисления «неверных» царств: Содом-города, Помор-города. Царство Агапита обычно именуется Рахлинским, у Ф. А. Конашкова оно заменено на персидское. Утрачены также некоторые подробности, например, нет описания того, как змея, начав поедать куриные головы, постепенно доходит до человеческих.

¹⁶ Духовные стихи Русского Севера... С. 493.

¹⁷ Там же. С. 492.

Несмотря на некоторое сокращение, текст Ф. А. Конашкова сохраняет все основные сюжетные звенья, так же как и другие рассмотренные выше стихи. Тем не менее, в текстах отмечаются признаки забывания, об этом, в первую очередь, свидетельствует сокращение объема повторно записанных текстов «Вознесение», «Глубинная книга» и «Страшный Суд». Возможно, сказитель, усвоив репертуар духовных стихов, не исполнял их для слушателей, что способствовало бы сохранению в памяти всех деталей произведений. На примере повторных записей видно, как сказитель творчески обращался с текстами, опуская или заменяя некоторые стихи, переставляя целые фрагменты. В некоторых местах наблюдается его личный почин, к примеру упоминание, что «Фавор горы боле на свете нет». Ф. А. Конашков мог ввести в духовный стих былинную формулу, он варьировал эпитеты, разбивал стяженные фразы в повторной записи на два стиха и т. д. Производившиеся им поэтические вариации не разрушали смысла и фактуры произведения. Духовные стихи Ф. А. Конашкова подтверждают приведенный выше вывод Ю. А. Новикова о том, что сказитель не замыкался в рамках заученной традиции, он не был типичным сказителем-передатчиком, а творчески оформлял исполнение каждого произведения.